

Великая Отечественная война в воспоминаниях

Блокада Ленинграда

Мы продолжаем публикацию воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны и сегодня познакомим вас с интервью Елены Владимировны Гудаковой из села Просвет, состоявшееся десятого мая 2012 года. Девочкой она пережила блокаду, видела голод и смерть, была эвакуирована по «дороге жизни». Сейчас Е.В. Гудакова живет в Просвете, но часто путешествует, поэтому встретиться с ней непросто. Два года назад она вместе с другими ветеранами была приглашена в Просветскую библиотеку на встречу со школьниками. Именно юные краеведы сделали рукописную запись рассказа Елены Владимировны, а заведующая библиотекой Н.Ю. Каргапольцева свела эти записи воедино.

— Когда началась война, родителей мобилизовали, и я осталась жить с бабушкой. В городе, на Невском проспекте, еще жила моя бабушка. Я часто к ней бегала, приносила еду. Было очень трудно! Помню много слез, стонов, криков на вокзале, когда эшелоны уходили на фронт. Через месяц после начала войны город стали бомбить. Кругом взрывы, «зажигалки» на крышах. Многие впадали в панику. Такие взрослые дети, как я (мне тогда было пятнадцать лет) уже понимали, что происходит, и всячески старались помогать взрослым. Мальчики уходили ближе к линии фронта, старались выявить предателей и организовывали дежурства по ночам на крышах домов, чтобы сбрасывать зажигательные бомбы. Очень много стреляли. В одном из таких артобстрелов погибла моя двадцатилетняя сестра.

Всем не хватало продовольствия. Ели, что придется. Летом и осенью мы организовывали поездки за город на поля, где росли овощи. Ищали их остатки, вырывали кочерыжки и везли их домой, чтобы не умереть с голоду. Летом, когда росла трава, было легче. Мы рвали лебеду, заваривали ее кипятком и ели, убергая себя тем самым от цинги. А еще мы ездили за еловыми шишками. Но все равно те, кто послабее, умирали.

Дедушка мой меня часто пугал: «Смотри, добегаешь, и тебя съедят!» Мы уже тогда знали, что люди стали есть слабых детей, которым грозила смерть. Всех животных к той поре уже съели. А голод брал свое, это было страшнее бомбежек. Однажды я стояла у дороги, и на моих глазах взрывались машины. Люди гибли, выбегали с криками, и один солдат бросил мне мешок. Я испугалась и быстро побежала домой. Дома мы с бабушкой развязали мешок и поняли, что это жмых. Заварили его

Дорога жизни через Ладожское озеро

кипятком. Так мы были обеспечены едой на целых три дня, благодаря тому раненому солдату.

Однажды мой дедушка променял свое красивое импортное драповое пальто на пищевые карточки. Но нас обманули — эти карточки были просрочены. Были и среди нас, жителей Ленинграда, и такие — предатели и мародеры. У них одна цель — нажива. Многие были из Финляндии. Именно таких и выявляли группы из юношей и подростков. Они же работали и на укреплении важных объектов. Маскировали памятники, обкладывая их мешками с песком. А трупы хоронили на Пискаревском кладбище в общих могилах. Однажды мой дедушка продал свои царские медали и купил кусок мяса килограмм на пять. Когда он его развернул, побледнел. Варить его мы не стали, пошли и захоронили. Это была срезка с ноги мужчины. Ужинали мы в тот день корой с рябины и черемухи.

Когда была налажена переправа через Ладогу, стало жить полегче. Мы стали карточки получать. Мне полагалось, как дочери фронтовиков, 75 грамм в сутки. Затем нас, оставшихся в живых детей, стали переправлять на «большую землю». Несколько раз были такие попытки. Из-за бомбежек нас возвращали. Многие гибли, шли под лед вместе с грузовиками. Я помню такой грузовик, на котором везли меня: кабина была фанерная. На этот раз поездка прошла удачно.

После войны я поступила в строительный институт, работала по направлению в Казахстане... Вышла замуж, родила сына и дочь... Сейчас часто приглашают на встречи, но вспоминать не очень-то хочется, — завершает свой рассказ Е.В. Гудакова.

Страницу подготовила Ксения КЛАДОВА.

В. Селиванов. Плакат Окно ТАСС №5, апрель 1943 г.

С двенадцатого по восемнадцатое января 1943 года войсками Волховского и Ленинградского фронтов при участии Балтийского флота была проведена успешная операция «Искра», завершившаяся прорывом блокады Ленинграда. Южное побережье Ладожского озера было освобождено от вражеских войск, и Ленинград получил сухопутную связь со страной. Двадцать седьмого января 1944 года блокада была полностью снята, и вечером этого дня на берегах Невы прозвучал торжественный артиллерийский салют. По официальным советским данным, за годы блокады Ленинграда погибло 658550 горожан.

Баллада о черством куске

По безлюдным проспектам
Оглушительно-звонко
Громычала
На дьявольской смеси
Трехтонка.

Леденистый брезент
Прикрывал ее кузов —
Драгоценные тонны
Замечательных грузов.

Молчаливый водитель,
Примерзший к баранке,
Вез на фронт концентраты,
Хлеба вез он буханки,

Вез он сало и масло,
Вез консервы и водку,
И махорку он вез,
Проклиная погоду.

Рядом с ним лейтенант
Прятал нос в рукавицу.

Был он худ,
Был похож на голодную птицу.

И казалось ему,
Что водителя нету,
Что забрал грузовик
На другую планету.

Вдруг навстречу лучам —
Синим, трепетным фарам —
Дом из мрака шагнул,
Покорежен пожаром.

А сквозь эти лучи
Снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мука, —
Плавно, медленно, сыто...

— Стоп! — сказал лейтенант. —
Погодите, водитель.

Я, — сказал лейтенант, —
Здесьный все-таки житель. —

И шофер осадил
Перед домом машину,
И пронзительный ветер
Ворвался в кабину.

И взбежал лейтенант
По знакомым ступеням.
И вошел...

И сыншика прижался к коленям.
Воробышье ребрышки...
Бледные губки...
Старичок семилетний
В потрепанной шубке.

— Как живешь, мальчуган?

Отвечай без обмана!.. —
И достал лейтенант
Свой паек из кармана.

Хлеба черствый кусок
Дал он сыну: — Пожуй-ка, —
И шагнул он туда,
Где дымил буржуйка.

Там, поверх одеяла —
Распухшие руки.
Там жену он увидел
После долгой разлуки.

Там, боясь разрыдаться,
Взял за бедные плечи
И в глаза заглянул,
Что мерцали, как свечи.

Но не знал лейтенант

Семилетнего сына:
Был мальчишка в отца —
Настоящий мужчина!

И когда замигал
Догоревший огарок,
Маме в руку вложил он
Отцовский подарок.

А когда лейтенант
Вновь сел в трехтонку,
— Приезжай! —

Закричал ему мальчик вдогонку.
И опять сквозь лучи
Снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мука, —
Плавно, медленно, сыто...

Грузовик отмахал уже
Многие версты.

Освещали ракеты
Неба черного купол.

Тот же самый кусок —
Ненадушенный,
Черствый —
Лейтенант

В том же самом кармане
Нащупал.

Потому что жена
Не могла быть иною
И кусок этот снова
Ему подложила.

Потому, что была
Настоящей женою,
Потому, что ждала,
Потому, что любила.

Владимир ЛИФШИЦ,
1942, Ленинград.

Получившийся материал по воспоминаниям ветерана мы и представили сегодня вашему вниманию, уважаемые читатели. Однако сразу предупредим, что подобные записи, прошедшие через несколько рук, могут содержать фактические неточности, а также утрачивают своеобразие речи рассказчика. Но использовать их можно и нужно, поскольку это уникальные воспоминания жителя блокадного Ленинграда. Причем рассказ в этом случае перестает быть устным материалом и становится письменным. Такова особенность устных исторических источников — сохраниться во времени они могут лишь в письменной форме, аудио — или видеозаписи.